

ПИСЬМА ПАЛОМНИКА.

ПИСЬМО СЪ ПУТИ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Иерусалимъ.

Ночь на воскресенье, 8 июля, останется на всю жизнь памятна для меня: провель ее будто въ иномъ, не земномъ мѣрѣ и не такъ, какъ обыкновенно проводимъ. Для меня эта ночь была лучше всѣхъ дней моей жизни.

Въ субботу заявилъ я патриаршему намѣстнику въ Иерусалимскомъ храмѣ, что имѣю благословеніе отъ Его Блаженства на богослуженіе и желаю совершить Божественную литургію въ наступающее воскресенье у Гроба Господня. Онъ предупредительно пригласилъ меня придти въ храмъ пораньше. По установившемуся издавна здѣсь порядку, святія врата храма запираются до наступленія ночи, потому служащіе и поклонники, которые желаютъ быть на литургіи при Гробѣ Господнемъ, до заката солнца собираются въ храмъ Божій и здѣсь остаются на всю ночь.

Послѣ повечерія о. намѣстникъ пригласилъ меня въ свою келію. Вскорѣ откуда-то сверху стало сюда доноситься стройное пѣніе прекрасныхъ голосовъ. Мнѣ говорятъ: „это на Голгоѣѣ ваши русскіе поклонники поютъ акафисты“. Слава Тебѣ Господи! — а я въ эти минуты только и думалъ о томъ, гдѣ бы удобнѣе помолиться, чтобы приготовиться къ служенію литургіи. Немедленно вышелъ изъ быковыхъ келій на площадку, потомъ въ храмъ Воскресенія, откуда путь мнѣ извѣстенъ на Голгоѣу. Тамъ — сверху слышится ангельское пѣніе, а тутъ внизу глубокая тишина; только огоньки мерцаютъ въ разныхъ мѣстахъ въ полумракѣ ночью. Группа огня у „камня помазанія“ привлекла меня къ нему. Не въ первый разъ я у сего святаго мѣста, но невольно и теперь повергся предъ „камнемъ“, чтобы облобызать его, — будто умершій Христосъ недавно лежалъ на немъ и благовоніе это здѣсь чувствуется послѣ помазанія Спасителя. Отсюда поднялся въ Голгоѣскій храмъ и присоединился къ лику пою-

щихъ. Поклонниковъ было здѣсь до 70—80, — всѣ простые русскіе люди, — больше женщины, а мужчинъ не болѣе 15, и тѣ на половину старцы. Одинъ изъ мужчинъ, вѣроятно инокъ, прекрасно, съ глубокимъ умиленіемъ читаетъ акаѳистъ страстямъ Христовымъ; прочіе всѣ поютъ припѣвы. Каково же это пѣніе на мѣстѣ страданій Спасителя! То слышится смиренный вопль души, наболѣвшей отъ грѣховъ и бурь житейскихъ, то радость поклонника за свое счастіе, за минуты высокаго духовнаго наслажденія. Онъ тутъ все другое забываетъ; видитъ только распятаго на Голгоѣѣ и плачущихъ предъ Нимъ Пресвятую Матерь съ Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ. Около себя я слышалъ старца. — онъ пѣлъ и плакалъ. Не помню, чтобы какое когда либо пѣніе проникало въ мое сердце такъ, какъ это пѣніе на Голгоѣѣ. — Послѣ стало извѣстно, что большая часть богомольцевъ на этотъ разъ были клирошанки изъ кіевскихъ, московскихъ и другихъ монастырей и еще приглашенныя ими извѣстныя пѣвицы изъ русскихъ черницъ, проживающихъ въ Іерусалимѣ. Превосходные голоса, видимая опытность въ пѣніи и самый характеръ больше-кіевского монастырскаго напѣва дѣлали то, что — все бы слушалъ ихъ и все бы молился съ ними. Прочѣто три разныхъ акаѳиста; между тѣмъ, особенно сладкое умиленіе производило пѣніе тропарей: „Се женихъ грядетъ въ полнощи“, „Чертогъ Твой“, „Егда славніи ученицы“, „Благообразный Іосифъ“ и т. п. За нѣсколько времени до утрени пропѣли „Воскресеніе Христова видѣвше“, въ заключеніе — „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“ — трижды, и сошли съ Голгоѣы.

Ровно въ 12 часовъ ночи заголосилъ благовѣстъ къ воскресной утрени, благовѣстъ необыкновенный, — не одинъ колоколь, а нѣсколько ихъ производятъ звучныя металлическія трели. Послѣ утрени немедленно пригласили меня начинать Божественную литургію; въ сослуженіе со мною назначены два іеромонаха, іеродіаконъ изъ святогробской братіи. Въ соборномъ храмѣ Воскресенія Христова, мы совершили входное, облачились, взяли св. антиминосъ священныя сосуды и всѣ принадлежности для совершенія литургіи,

и чинно отправились ко Гробу Господню. Онъ въ это время — и жертвенникъ и престоль. Надо было дорожить временемъ: для православной обѣдни опредѣлено два часа; послѣ насъ служить два часа армяне свою литургію, за ними латиняне. — Въ проскомидіи помогали мнѣ сослуживцы съ торопливостію. Начало литургіи произнесено было мною, и великую ектенію пѣли все тѣ русскіе, съ которыми я молился на Голгоѣ; грекъ-іеродіаконъ произносилъ прошенія по-славянски довольно сносно. Чтеніе Апостола и Евангелія было по-гречески, славянски и арабски, потому что въ храмѣ предстояли все эти націи и одинъ изъ служащихъ со мною былъ арабъ. Свое Евангеліе прочиталъ я къ народу, по обычаю греческой церкви. Еще уступили намъ — русскимъ сугубую ектенію, возгласъ: «Благодать Господа нашего» и прочее съ пѣніемъ до „Въ первыхъ помяни Господи“; также на возгласъ мой: „И сподоби насъ Владыко“.... пропѣли наши: „Отче нашъ“, — да заамвонная молитва и благословіе были наши. Послѣ того поспѣшили взять святую чашу съ дарами, все вещи свои, и перешли въ свой храмъ Воскресенія Христова; армяне за нами были уже наготовѣ.

Видимо, греки неохотно уступаютъ намъ богослуженіе, но въ тоже время сознаютъ, что греческое тягучее монотонное пѣніе въ одинъ или два голоса — слишкомъ скучное для русскихъ богомольцевъ, которыхъ въ храмѣ всегда большинство. Да и сами греки, арабы и другія націи изъ мірянъ привлекаются русскимъ пѣніемъ не только на литургіи, но даже на Голгоѣ: тамъ было нѣсколько арабовъ и арабокъ изъ феллаховъ, еще двое въ чалмахъ — это абиссинцы или копты.

По окончаніи литургіи добрый о. намѣстникъ пригласилъ меня отдохнуть у себя въ келіи, пока настанетъ утро и врата храма отворятся.

Врата церковныя отворили; богомольцы изъ разныхъ мѣстъ Іерусалимскаго храма потянулись къ выходу. Новый знакомый мой о. іеродіаконъ къ удовольствію моему, прошелъ еще со мною въ Воскресенскій соборъ. Тутъ показаны мнѣ близко вещи,

пожертвованныя изъ Россіи, между ними — особенно цѣнныя ризы на мѣстныхъ иконахъ и недавно полученная изъ Москвы плащаница. Она, какъ и другія шитыя по бархату плащаницы, укрѣплена просто на стѣнѣ, на видномъ мѣстѣ; — нѣтъ для нее особой гробницы, какія у насъ обычно имѣются. При выходѣ изъ храма, на площадкѣ предъ св. вратами, встрѣчаемъ группу богомольцевъ; — слушаютъ сказаніе одного паломника о чудесной колоннѣ, предъ которой они стояли, — какъ отъ нея получился пасхальный огонь. Колонна мраморная, въ ряду другихъ такихъ же, при самыхъ святыхъ вратахъ. Къ ней богомольцы всѣхъ націй относятся съ благоговѣйнымъ почитаніемъ, лобызаютъ ее и любятъ побесѣдовать о ней. Болѣе твердое преданіе о явленіи небеснаго огня изъ колонны установилось издавна такое:

Однажды армяне рѣшили овладѣть храмомъ Воскресенія Христова и быть хозяевами у Гроба, Господня. Для этого собрали много денегъ; подкупомъ достигли того, что чрезъ турецкое правительство вытѣснили грековъ изъ храма Иерусалимскаго. — Наступала св. Пасха христіанская. Армяне старались увѣрить всѣхъ турокъ, арабовъ и другихъ, что небесный огонь подается не ради грековъ, а ради всѣхъ христіанъ, и они получаютъ его неизмѣнно. Въ полдень Великой субботы весь храмъ былъ занятъ ими и другими неправославными, а грековъ турецкіе солдаты совсѣмъ выгнали вонъ, и св. врата были затворены. Армяне торжествуютъ, а греки и съ ними всѣ православные горько рыдаютъ: около ихъ — турецкая стража, чтобы не было бунта. Греческій патріархъ, въ ожиданіи получить огонь отъ армянъ, въ глубокой скорби сидѣлъ у входа. Уже два часа пополудни; наступили роковыя минуты, когда надо быть огню, а его нѣтъ. Армяне встревожены: слышались и между ними вопли; усилили они свои молитвы, а чудной благодати все не было. Вдругъ ударилъ громъ, средняя колонна дала вдоль трещину, изъ которой всѣ увидѣли пламя огненное. Патріархъ понялъ, что милосердый Господь являетъ Свою благодать для православныхъ, всталъ и зажегъ отъ колонны свои свѣчи; скоро и всѣ право-

славные, ликуя, были въ храме съ огнемъ; радости ихъ не было границъ. Арабы начали тогда скакать и кричать: «Единый Богъ нашъ Иисусъ Христосъ, едина истинная вѣра наша—православныхъ христіанъ!» Каково же было положеніе армявъ! Они въ храмѣ у Гроба Господня остались безъ огня и со стыдомъ должны были уступить свое мѣсто грекамъ. Турки до того вознегодовали на нихъ, что многихъ жестоко избили. Такъ они были наказаны Господомъ за свое самообольщеніе. Съ того времени православные арабы творять по-своему память небесной благодати отъ колонны: каждый годъ, по полученіи пасхальнаго огня, скачутъ и неистово кричатъ, прославляя Воскресшаго Христа Спасителя. Даже турки относятся къ этой колоннѣ почтительно. Она и теперь стоитъ съ разсѣлиною, видимо опаленная пламенемъ. Послѣ богослуженія паломники не спѣшатъ изъ храма Иерусалимскаго: внимательно всматриваются и въ наружныя стѣны его, чтобы глубже нанечатлѣть въ памяти это всемірное христіанское святилище. Внѣшность его не представляетъ, къ сожалѣнію, благолѣпія, въ какомъ привыкли мы видѣть свои святыя храмы въ Россіи, особенно, гдѣ есть какая-либо прославленная святыня. Отсутствіе эстетики замѣтно, впрочемъ, вездѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ греки—хозяева. При всемъ томъ, изъ храма Иерусалимскаго богомольцы несомнѣнно уносятъ въ душѣ чувство неизъяснимой святой радости и глубокаго умиленія.

Объ Иерусалимѣ все еще не говорю. Дайте посмотрѣться на него, тогда что-нибудь скажу.

ПИСЬМО СЪ ПУТИ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Иерусалимъ.

Въ Иерусалимѣ мы уже нѣсколько дней; бродимъ по улицамъ, по мѣстамъ, напоминающимъ библейскія и евангельскія событія, а сказать объ Иерусалимѣ поосновательнѣе не могу. Да и не легко понять его. Съ Яффской стороны представляется намъ цѣлый городъ съ постройками въ одинъ и болѣе этажей,—

зданія всѣ изъ мѣстнаго камня — известняка будто вчера оконченныя, а рядомъ воздвигаются еще лучшія, обширнѣйшія; по улицамъ видимъ движеніе разныхъ націй, торговлю. Но это не тотъ Иерусалимъ, куда мы стремились, ради котораго переплыли нѣсколько морей. Это, оказывается, новыя постройки нѣмецкія, еврейскія, французскія, русскія и др. Онѣ внѣ Иерусалимскихъ стѣнъ, на огромное пространство занимають всю западную часть сѣверной стороны града, такъ что стѣны его здѣсь за постройками какъ бы ступшевываются и мало замѣтны. Мы здѣсь видимъ Европу въ Азіи: улицы болѣе просторныя, зданія чистенькія, крытыя нерѣдко по-европейски; есть отели, госпитали, школы съ вывѣсками болѣе западныхъ народовъ; имѣются дворы, которыхъ у азіатовъ не существуетъ; по улицамъ не одни караваны съ верблюдами и осликами, а есть и конные дилижансы и даже фаэтоны. Тутъ ничего не встрѣчаемъ такого, что могло бы сказать о святомъ градѣ. Съ этой стороны надо пройти всѣ эти постройки, достигнуть вратъ Яффскихъ или Дамасскихъ; тогда увидимъ настоящій Иерусалимъ. Съ восточной стороны, гдѣ Геосиманскія врата, и съ южной, гдѣ Сіонъ и Моріа, городъ древній — налицо, ничѣмъ новымъ не застроены.

Древній Иерусалимъ занимаетъ нѣсколько холмовъ и равнинъ. Большая часть его окружена историческими стѣнами, которыя по неровной мѣстности то поднимаются въ гору, то спускаются въ долину. На южной сторонѣ стѣны представляютъ какую то ломанную лѣстницу, а западная имѣетъ видъ тупаго угла съ вершиною у Яффскихъ воротъ. — Для христіанина-паломника дороги, конечно, тѣ только мѣстности, которыя имѣють за собою священную исторію, таковы: *Сіонъ*, *Геосиманія*, *Елеонъ*, *Моріа* и *страстный путь* Спасителя; на этихъ мѣстностяхъ остановлю и ваше вниманіе.

Сіонская гора внѣ теперешнихъ городскихъ стѣнъ *).

У царя Давида здѣсь былъ кедровый дворецъ; здѣсь онъ пост-

*) Нѣсколько разъ онъ разрушался и возстановлялся, при чемъ убавлялся и расширялся. *Авт.*

роилъ новую скинію, куда перенесенъ былъ Кивотъ Завета изъ сосѣдняго селенія. Послѣ того Сіонъ для евреевъ сталъ навсегда мѣстомъ священнымъ, мѣстомъ торжественныхъ собраний и религиозныхъ празднествъ. Во время земной жизни І. Христа на Сіонѣ были дома первосвященниковъ Анны и Каафы. Больше того намъ извѣстна по Евангелію Сіонская горница, избранная по указанію Самаго Спасителя для празднованія Пасхи и для Тайной Вечери, на которой, вмѣсто кровавыхъ ветхозавѣтныхъ жертвъ, установлено было таинство безкровной Жертвы ради спасенія людей. Въ этой Сіонской горницѣ явился Христосъ воскресшій ученикамъ при закрытыхъ дверяхъ; въ ней, наконецъ, сошелъ на Апостоловъ Духъ Святой въ видѣ огненныхъ языковъ. А теперь — Сіонъ?! Не радуется онъ христіанскаго сердца. Нѣтъ и слѣдовъ того, что для насъ дорого, что было когда-то. Время и люди — варвары все похитили и уничтожили. На южной сторонѣ горы, на самомъ высокомъ мѣстѣ находится небольшая группа азіатскихъ жилищъ и между ними турецкая мечеть *Неби-Даутъ* (гробъ Давида); тутъ указываютъ и мѣсто Сіонской горницы, — одно мѣсто, безъ всякаго христіанскаго памятника. Въ первыя времена христіанства была на этомъ мѣстѣ небольшая церковь, которая, по преданію, уцѣлѣла даже въ разореніе Іерусалима. Св. царица Елена распространила и украсила ее, но въ послѣдствіи этотъ храмъ былъ разрушенъ до основанія. Потомъ на развалинахъ его Латины построили церковь; — эту въ половинѣ XVI вѣка отняли турки и съ тѣхъ поръ владѣютъ Сіономъ. — Мусульмане любезно допускаютъ христіанъ въ храмъ, называютъ въ немъ одно отдѣленіе внизу мѣстомъ умовенія ногъ, другое, гдѣ, говорятъ, Христосъ явился по воскресеніи ученикамъ Своимъ, а наверху показываютъ горницу Тайной вечери и другую, гдѣ было якобы Сшествіе Св. Духа; но въ устахъ турокъ для христіанина и достовѣрное кажется не достойнымъ вѣры, особенно — когда видишь еще эксплуатацію ихъ святыми памятниками. Въ подземеелье, гдѣ гробъ царя Давида, не допускаютъ насъ. — Рядомъ съ этими жалкими мусульманскими постройками находится хри-

тіанское кладбище. — Все-таки въ день Сочествія Св. Духа греческое духовенство приходитъ на Сіонъ съ богомольцами и молится о ниспосланіи Святаго Духа. — Грустно становится на душѣ, когда дорогой для насъ Сіонъ видишь въ такомъ печальномъ видѣ. На всей горѣ видишь печать смерти, какъ на могилахъ. Идемъ въ *Геосиманію*.

Туда съ горы Сіонской прошли мы подъ стѣною около горы Моріа, гдѣ былъ храмъ Соломоновъ *). Можетъ быть этою дорогою вели Іисуса Христа изъ Геосиманскаго сада на судъ къ первосвященнику; вѣроятно, этою же дорогою несли въ Геосиманію и пречистое тѣло Богоматери на погребеніе: на Сіонѣ былъ домъ возлюбленнаго ученика Христова, гдѣ жила Матерь Господа до блаженнаго усненія Своего. Мы шли и молились Ей, прославляя Христа Спасителя.

Геосиманія! Сколько святыхъ воспоминаній при одномъ словѣ — Геосиманія! Оно елейно дѣйствуетъ на душу, потому что было любимымъ мѣстомъ Самаго Спасителя нашего. — Эта благодатная мѣстность при подошвѣ горы Елеонской. Въ настоящее время здѣсь нѣтъ уже того тѣнистаго вертограда, гдѣ бы можно было уединиться для молитвы и отдыха, и гору нельзя назвать Елеономъ; — не оливковыя деревья, а глыбы камня видимъ по откосамъ ея, и по всей вершинѣ мертвая природа. Но всю эту мѣстность паломники считаютъ во Іерусалимѣ первою святынею послѣ Голгофы и Гроба Господня. Многіе, по выходѣ изъ храма Іерусалимскаго, послѣ ночнаго заключенія, спѣшатъ не домой — на русское подворье отдыхать, а по *via dolorosa* **) къ Геосиманскимъ воротамъ, и потомъ черезъ каменный мостъ за Кедрскій потокъ, гдѣ *гробъ Пресвятыя Богоматери*; здѣсь надъ нимъ Геосиманскій храмъ Усненія, въ которомъ ежедневно служитя Божеств. Литургія. Храмъ этотъ въ подземельи; снаружи видна надъ пещерою только каменная ограда съ красивымъ

*) Около этой стѣны каждую пятницу можно видѣть евреевъ, больше женщинъ, плачущихъ о горькой судьбѣ Іерусалима.

**) Страстной путь, которымъ шель Спаситель на Голгофу. Авт.

фронтонѣ надъ самымъ входомъ. Ограда на низменности около сухаго русла потока; — къ ней ведутъ 12 каменныхъ ступеней; потомъ въ самомъ святилищѣ просторный сходъ до мѣста, гдѣ гробница Божіей Матери. Черезъ 15 ступеней этого схода имѣется площадка, гдѣ на правой сторонѣ въ нишѣ устроены два престола: Св. Богоотецъ Іоакима и Анны, а на лѣвой — прав. Іо-сифа Обрученника. Съ этой площадки мы уже могли видѣть внизу подъ сводами висящія гирляндами по всѣмъ направленіямъ дорогія лампы, которыя въ подземельи горятъ, какъ звѣзды во мракѣ ночномъ. Туда еще надо пройти 33 ступени, — тогда мы будемъ у гробницы Богоматери. Гробница въ таинственномъ сумракѣ отдѣльно красуется на срединѣ пещеры въ видѣ часовенки съ куполомъ, на подобіе кувукліи Гроба Господня, и также изсѣчена въ природной скалѣ, какъ гробница Спасителя. Входъ въ нее просторный прямо ко Гробу Божіей Матери. Гробъ каменный покрытъ мраморною плитою и служить во время совершенія Литургіи престоломъ. — Мы воспѣли молебное пѣніе ко Пресвятой Богородицѣ; но каково то было небесное пѣніе, которымъ лики Ангельскіе сопровождали дивное Ея усненіе и вознесеніе на небо! — Апостолы были удивлены и недоумѣвали, когда не нашли во гробѣ пречистаго тѣла Богоматери; нельзя этому не удивляться и понынѣ, но гробъ Ея — такой памятникъ преславнаго событія, что въ немъ до сихъ поръ видится благодатная животворная сила Божія: хочется вѣрить, что у Гроба съ нами — Самъ Побѣдитель ада и смерти и что Сама Богоматерь назираетъ съ неба свое земное ложе. Потому-то многіе народы находятъ здѣсь отраду и успокоеніе сердечное, какое міръ не можетъ дать. Храмъ гроба Божіей Матери православный греческій, но въ немъ служатъ и молятся и армяне, и копты, абиссинцы, сиріане; даже мусульмане, чаще жены ихъ приходятъ помолиться предъ гробомъ Пресвятой Дѣвы и просятъ освященной на немъ ваты и елея для врачеванія своихъ болѣзней: *ублажаютъ* Царицу Небесную, по Ея пророчеству, *всѣ* тамъ народы *).

*) Одинъ мусульманинъ изъ арабовъ говорилъ мнѣ, что четвертая мо-

Направо отъ храма Успенія, ближе къ горѣ, садъ *Гео-симанскій*. Онъ—въ рукахъ латинянъ издавна, и какъ варварски содержать его! Нашъ православный одно имя его, при чтеніи Евангелія, произноситъ съ глубокимъ благоговѣніемъ; мнѣ кажется руки человѣческой не слѣдовало бы насиловать здѣсь природу,—она знаетъ свои вѣчные законы (оливковое же дерево, по научнымъ даннымъ, можетъ расти безъ конца),—надлежало бы хранить садъ въ своемъ видѣ;—что же сдѣлали изъ него бо-соногіе Францисканцы! Евангельскаго вертограда не осталось и тѣни. Отъ того сада, въ которомъ Спаситель молился и былъ преданъ, сохранились только семь маслинъ—свидѣтелей Божественныхъ событій, и тѣ имѣютъ скудную зелень. Причудливо раскинувшіяся вѣтви и гигантскіе своеобразные стволы ихъ дѣйствительно говорятъ о многовѣковой древности, но о содержаніи ихъ въ лучшемъ, болѣе свѣжемъ видѣ здѣсь, повидимому, мало заботятся. Все вниманіе латинскихъ монаховъ обращено на свое новое насажденіе, на молодые маслины, на десятка два кипарисовъ и клумбы кое-какихъ цвѣтовъ, которые охряняются проволочною изгородью; изъ всей мѣстности они устроили напсадникъ, распланированный въ клѣткѣ прямыми дорожками, наставили по мѣстамъ безобразные кіоты съ размалеванными изображеніями священныхъ событій и придали всему настоящій театрално-декоративный характеръ; идеи же никакой не видно: тутъ и крестъ большой желѣзный съ орудіями казни, грубой работы, и образъ Божіей Матери на пьедесталѣ, тутъ и мавзолей съ надписью: «здѣсь погребена въ такомъ то году американка N». Это напоминаетъ уже спекуляцію Іуды, котораго соблазнили сребренники.

На *Елеонскую гору* восходъ довольно крутой и вовсе необдѣланный; мѣстами путнику приходится съ трудомъ пробираться по уступамъ дикаго камня. Съ перваго шага видно, что эта мѣстность Елеона въ рукахъ азіатовъ. На среднемъ уступѣ горы гнѣздятся нѣсколько арабскихъ жилищъ, а на томъ мѣстѣ,

лѣтъ при закатѣ солнца, по ихъ повѣрью, установлена будто бы Иисусомъ въ честь Своей Матери. Она и по Корану называется честиѣшанъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ. *Авт.*

здѣ, по преданію, было преславное вознесеніе Господа на небо, здѣ видны еще развалины круглаго храма, построеннаго царицею Еленою, — теперь на этомъ мѣстѣ турецкая мечеть. Посреди ея на полу показываютъ желтоватый камень, на которомъ есть углубленіе, схожее съ стопою правой ноги, направленной къ полудню, — это углубленіе называютъ стопою Спасителя, напечатлѣнною Имъ при вознесеніи. Далѣе на гору чѣмъ выше, тѣмъ восходъ удобнѣе, такъ какъ вся вершина, благодаря о. архимандриту Антонину, принадлежитъ русской миссіи. Выше мечети, на западномъ склонѣ горы, недавно сооруженъ великолѣпный храмъ во имя св. Маріи Магдалины. Средства на это въ 1884 г. даны Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ нашимъ и Его Августѣйшими братьями, въ память почившей въ Бозѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны. На самой вершинѣ неутомимый о. Антонинъ воздвигъ храмъ Вознесенія Христова и при немъ ту гигантскую колокольню, о которой упоминалъ я въ одномъ изъ писемъ. Самый Елеонъ царитъ надъ городомъ выше всѣхъ Иерусалимскихъ горъ, да еще высочайшая русская колокольня *) на немъ! Можно понять, какой видъ съ заоблачной высоты ея на Иерусалимъ и на всю Іудейскую страну: впереди — прямо на западъ Святый градъ, какъ на ладони, а за нимъ многочисленные холмы пустынныхъ возвышенностей; направо — за холмами безконечная синева Средиземнаго моря, налѣво мрачная панорама Мертваго моря, а южнѣе — совсѣмъ близко Виелеемъ. — Подъемъ на гору очень трудный, особенно подъ лучами палестинскаго солнца. И на это обращено братски любезное вниманіе о. Антонина: около храма Вознесенія онъ построилъ страннопріимницу, гдѣ паломники находятъ покой и хлѣбъ соль — по-русски. Тутъ можно видѣть, между прочимъ, нѣсколько каменныхъ гробовъ большихъ и малыхъ, мозаику и другія замѣчательныя древности, отрытыя при постройкѣ Елеонскихъ нашихъ зданій.

*) Для этой колокольни одинъ изъ русскихъ благодѣтелей А. В. Р — цевъ пожертвовалъ колоколь въ 308 п., который изъ Яффы доставленъ сюда русскими нашими богомольцевъ. Гористая палестинская мѣстность съ глубокими оврагами представляетъ неодолимые трудности; но русскіе, съ помощію Божию, одолѣли ихъ *Авт.*

На Елеонѣ паломникъ чувствуетъ себя какъ-бы въ иномъ мірѣ. На открытой вершинѣ стоитъ онъ восторженный и спрашиваетъ самъ себя: гдѣ я? Неужели на Елеонѣ, гдѣ совершилось дивное и преславное событіе Вознесенія Господня? Не сонъ ли это?—Нѣтъ, не сонъ, а дѣйствительность, самая отрадная дѣйствительность. Вотъ—здѣсь мѣсто, гдѣ земля встрѣтилась съ небомъ, и все уже небо навсегда стало открыто для человѣка. Слава Господи святому Вознесенію Твоему! взываетъ вѣрующей, орошая святую землю слезами радостнаго умиленія.

Прот. П. Бобровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

*Правила хороваго церковнаго пѣнія *)*. 1) «Церковный пѣвецъ» долженъ исполнить богослужбное пѣніе совершенно точно по установленнымъ церковью *образцамъ* и предписаніямъ устава. Образцы богослужбнаго пѣнія содержатся въ богослужбныхъ книгахъ—нотныхъ (обиходъ, октоихъ) и такихъ же книгахъ не нотныхъ, гдѣ почти надъ каждымъ пѣснопѣніемъ полагается надписаніе или церковнаго гласа или «подобна». Отступленіе отъ образцовъ пѣнія, предложенныхъ Церковью, строго воспрещается соборными правилами. Соборъ Трульскій не позволялъ почитать того церковнымъ пѣвцемъ, который что нибудь прилагаетъ къ церковному отъ своего измышленія или который вводитъ что либо «неподобное и церковному строенію не сочтанное», т. е. не свойственное устройству богослужбнаго пѣнія.

2) Церковный пѣвецъ долженъ исполнять церковную мелодію по даннымъ образцамъ и предписаніямъ *разумно*.

*) Составлены для воспитаницъ Астраханскаго Епархіальнаго женскаго училища (по Д. Разумовскому),—но полезны для всѣхъ пѣвцовъ церковныхъ.